

С. Б. Сорочан

Бани византийского Херсона (VI–X вв.)

Общественные бани (*ta therma, ta balaneia, ta loutra*), перенятые у греко-римской цивилизации, несомненно, существовали в Византии до VII в. [1, р. 271–272 (там же литература вопроса)]. В крупных городах встречались банные комплексы, занимавшие до 500 кв. м, а в редких случаях они функционировали и в сельских поселениях (пять случаев среди 700 сирийских деревень ранневизантийского времени) [2, р. 75, 76, 83–84, 87, 88]. Их охотно посещали, иногда по два раза в день, а случалось, даже праздновали в бане Пасху [3, с. 261 (VI. 18); с. 263–264 (VI. 22)]. По обычаю, в баню было положено ходить перед крещением и после причастия [4, vol. 1, р. 109; vol. 2, р. 113; 5, с. 350–352]. В Равенне купальни функционировали в конце VII в. Хронист Агнелл (ок. 805–841) писал, что их закрывали во время крестного хода [см.: 6, с. 252, 254]. Горожане усматривали в банях не столько гигиеническое, сколько лечебное средство [7, с. 144]. Но надо также учесть, что любые важные, тем более богоугодные дела не совершались без предварительного омовения. Не случайно, составитель Слова на перенесение мощей преславного Климента, очевидно, херсонит (он говорит о «нашем городе»), указал, что Херсонский архиепископ Георгий и сопровождавшие его «благоверные», отправляясь под утро, в четверг, 30 января (3 февраля) 861 г. на поиски мощей св. Климента, начали свой путь от городской бани («от теплыхъ идоша»), по-гречески *ta therma* [8, с. 128, гл. 3]. Вообще, привычку пользоваться банями можно отнести, видимо, к числу самых устойчивых. Так, среди ромейских «заблуждений», на которые в третьей четверти IX в. крещеные болгары жаловались папе Николаю I (стоять в церкви только со скрещенными на груди руками и принимать Евхаристию только будучи подпоясанным), был назван обычай не ходить в баню по четвергам и воскресеньям [9, col. 982]. Вероятно, подобный обычай был принят и у херсонитов, не отделявших себя от «греков» и поэтому посещавших купальни в остальные дни недели, а в случаях особых — и в «небанные дни».

Тем не менее повелось утверждать, что «темные века» полностью покончили как с общественными банями, так и со специальностью банщика. Фундаментальная работа А. Бергера на эту тему как будто не оставляет сомнений в том, что до X в. бани устраивали лишь в немногих монастырях и частных жилых усадьбах, а профессия банщика исчезла [10, S. 34 f.; 11, р. 196–199; ср.: 12, с. 181]. Материалы византийского Херсона дают факты, которые противоречат сделанному категоричному заключению и позволяют задаться целью изучить состояние банного дела конкретного провинциального ромейского города в период раннего средневековья.

Так, в юго-восточном районе города, почти в самом центре «цитадели», на западной оконечности так называемой «Южной площади», рядом с двухэтажным «домом командира», судя по результатам раскопок И. А. Антоновой в 1989–1992 гг., с конца позднеантичной эпохи и, вероятно, до IX в. включительно действовала общественная баня, которая подвергалась по меньшей мере двухкратным перестройкам, доделкам и нескольким ремонтам за продолжительное время своего существования [13, л. 27–

34; 14, л. 1–43; 15, л. 3–10, 34; 16, л. 3–14; 17, л. 27; 18, л. 23–25]¹. Примечательно, что здание бани было возобновлено после кардинальной переделки в VI в., не исключено, из аналогичной постройки III в., так же как и соседний с ней дом с помещением XVII (прежний римский так называемый «дом командира») [21, л. 3, 8, 13; 18, л. 7, 18–20; 22, л. 14.]². Если это так, тогда на территории «цитадели» в позднеантичный период действовало две небольшие бани: в северо-восточном углу, около башни XIX, перестроенные из помещения с двумя ванными (пом. 5) и бассейна римских терм, разрушенных, вероятно, во время землетрясения второй четверти III в., и еще одни небольшие термы в 15 м к юго-западу от них, на так называемой «Южной площади»³.

Можно встретить утверждение, что последние входили в комплекс римского претория в конце III в. как баня коменданта горнизона, поскольку ее печь (*praefurnium*) была устроена якобы со стороны *via principalis* [25, р. 73]. Как и датировка, предположение это весьма шаткое. На деле здания претории здесь пока не обнаружено, а то, что имеется, с большим сомнением может быть идентифицировано как его остатки. Херсонесская «цитадель» не имела и не могла в силу своей специфики иметь устройства типичного римского лагеря, здесь размещалась военная администрация *вексилляции*. Так называемый «дом командира» действительно располагался западнее терм, примыкал к ним, но не являлся одним комплексом, а ранний префурний, как показали раскопки 2003 г., выразительно прослеживается с противоположной, юго-восточной стороны бани, вдали от улицы [26, с. 300, 301].

Новая баня на «Южной площади» состояла из передней — аподитерия, служившего одновременно раздевалкой, горячего помещения — кальдария с гипокаустом, кочегарки — префурния, теплого и холодного помещений — тепидария и фригидария (рис. 1). Не исключено, что с южной стороны он имел еще и лаконик, который остается не раскопанным. Аподитерий представлял собой небольшое северное помещение площадью 15 м² с полами, покрытыми толстым слоем цемянкового раствора. Дверь в юго-западном углу вела в теплую баню размером 3,5×8,5 м, которая, возможно, со временем, после перемещения префурния, стала кальдарием и была разделена на два помещения. В первом, самом маленьком (3,5×2,5 м), у топочного канала, в нише 1,5×1,0 м, вероятно, был установлен котел для подогревания воды. Рядом в углу в полу был сделан в виде каменной раковины приемник для стока воды, которая через канал в стене выводилась наружу. Стенки сточного канала строители выложили плотной крупной галькой, а ложе сделали из тонких известняковых плит высотой 0,5 м. Южная стена тепидария завершалась большой центральной ванной (2,8×2,25 м при глубине не менее 0,9 м), занимавшей почти всю ширину помещения. Поскольку ранний префурний находился дальше, к юго-востоку, через одно помещение, учитывая температурный режим, здесь мог быть именно тепидарий, который был преобразован в кальдарий после устройства топочной печи на северной стороне.

Пол этой части бани держался на разнохарактерных столбиках квадратной или прямоугольной формы с сечением 0,4×0,4; 0,3×0,4 м и меньше (пять рядов по четыре столбика в ряду), многие из которых были наполовину вытесаны из камня, а сверху доложены

¹ Материалы раскопок не опубликованы и упоминаются лишь в кн.: 19, с. 536; 20, с. 70–71.

² Особо следует отметить, что водосток Р, подключенный к юго-восточной оконечности терм, был сооружен не позднее III в., на что указывает черепица *tegula laconica* в его ложе.

³ Небольшие термы, перестроенные во второй половине—конце III в. на месте более ранних терм в северо-восточном углу «цитадели», действовали, вероятно, довольно долгое время, пока на «Южной площади» не была выстроена в VI в. новая баня. В это время емкость большой ванны позднеримских терм была превращена в место свалки, каковой она являлась, судя по материалу, до IX в. включительно. *Ср.*: 13, л. 45; 14, л. 43–50; 23, с. 84–85; 24, с. 40, 59, рис. 1, 3.

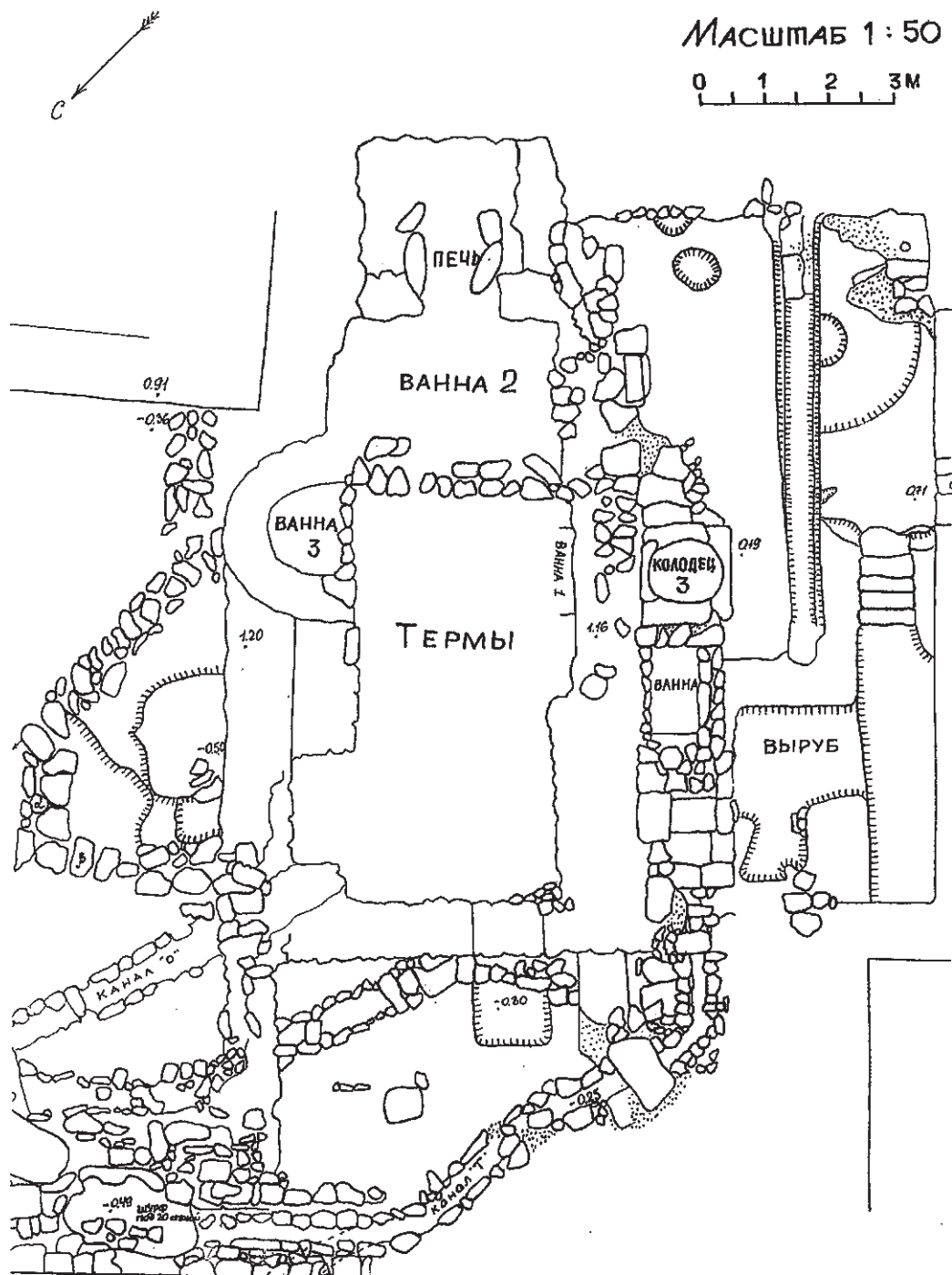

Рис. 1. План раскопанной части раннесредневековой бани в «цитадели»

плинфой, скрепленной известковым раствором ⁴. На высоту около 0,8 м подпольная камера была заполнена золой и темной сажой, накопившимися за долгое время пользования баней. Слой этот был настолько плотным, что, по словам И. А. Антоновой, казался единым скальным массивом [14, л. 12]. Расстояние между рядами столбиков составляло здесь 0,20–0,25 м. Выше других (до 0,75 м) сохранились подпорки пола вдоль западной стены. Их перекрывали плоские длинные известняковые плиты или черепицы, на которые был положен цемянковый пол до 0,01 м толщины. Всего на столбах лежало 3–4 ряда каменных плит, черепиц, плинф, перемежавшихся слоями цемянкового покрытия. В целом, высота гипокауста и уровень пола в помещениях равнялись 1,10 м.

Стены бани толщиной 0,8 м и больше, что указывает на массивность постройки, были выложены из крупных прямоугольных камней с обработанной поверхностью и только западная стена гипокауста была облицована мелким бутом. Боковой фасад был удвоен при перестройке, так что восточная стена достигла поразительной, почти двухметровой ширины. Именно поэтому в ее толще были оборудованы ниши для упомянутого выше котла, а также ванна полукруглой формы, которая сохранилась на глубину 1,0 м. Поперечная ее стена равнялась 1,40 м, а наибольший радиус экседры — 1,2 м. Она примыкала впритык к центральной большой ванне, размещенной в южном торце тепидария или кальдария. По сути дела, это был бассейн, южная стена которого оказалась уничтожена какими-то позднейшими земляными работами, возможно, прокладкой траншеи. Покрытие ванны-бассейна состояло из трех-четырёх слоев раствора, а дно было выложено черепицей и тщательно обмазано. Судя по тому, что гипокауст проходил под ней, емкость, очевидно, служила для теплой воды. Ее отделяла от помещения бани стена толщиной 0,20–0,23 м из плинфы на известковом растворе.

Дополнительные исследования 2002–2003 гг. показали, что южнее располагалось еще одно помещение (3,4×4,1 м), в котором уцелели следы полукруглого торца почти полностью разрушенной ванны (длина стенки около 1 м), сложенной из четырех рядов вертикально поставленных плинф размерами 0,20×0,17×0,05 м, на цемянковом растворе [27, л. 5, 10, рис. 5, 15, 24; 28, с. 266; 26, с. 300]. Параллельно ей находилась еще одна прямоугольная ванна глубиной 0,5 м, облицованная гидроизоляционным цемянковым раствором. Ее перекрывал слой с материалом второй половины IX в., синхронный времени разрушения бани. Если следовать логике планировки и температурному принципу, в этом помещении мог быть устроен кальдарий или лаконик, но глубокий, до скального основания перекоп более позднего времени уничтожил здесь следы гипокауста. Примечательно, что в обнаруженном на этом месте слое засыпи, датируемой по сочетанию циклов материалов XIII в., оказалась группа керамики второй половины VIII в. К востоку от крайнего южного помещения с ванными раскопками 2003 г. прослеживаются выразительные следы устья печи префурния (длина — 1,95 м, высота — 0,6 м) из крупных, хорошо отесанных известняковых плит [26, с. 301]. Судя по остаткам, печь имела прямоугольную топочную камеру больших размеров. В слое здесь присутствует херсонско-византийская медь времени правления Михаила III (842–867) и Василия I (867–886).

На западной стороне тепидария размещалась еще одна выдвинутая в центральную часть помещения ванна шириной 1,0 м и высотой 0,55 м, которую строители сложили из некрушного плоского камня и черепиц и впустили на 0,20 м в западную стену. Она имела стенки толщиной 0,15 м и тоже подогревалась снизу, гипокаустом. Дно этой ванны толщиной 0,25 м составляли два слоя черепицы, плинф и мраморных плит в кусках, скрепленных очень прочным раствором темно-бордового цвета. Судя по многочисленным фрагментам гладких мраморных плит размером 0,30×0,70×0,02 м, западная стена теплового помещения бани, к которой примыкала ванна, была облицована мрамором.

⁴ 27–30 % этих плинф имели близкие к византийскому футу размеры 28×28×2,5–3 см и прочерченные сверху крест-накрест две-три вдавленные полосы.

Эта стена была смежной с холодным помещением — фригидарием (3,5×9,0 м), в котором находился колодец-цистерна грушевидной формы, вырубленный в скале, дно которого выходило на водоносные слои, и ванна рядом с ним. Судя по небольшим размерам (1,25×0,90 м, высота 0,80 м) и низкой ступеньке — лавке, сохранившейся вдоль восточной стены, она была сидячей. Однородность обработки внутренней шахты колодца и постройка его в южной части фригидария на границе с тепидарием дают основания считать, что колодец был устроен одновременно с термами и целенаправленно вписан в их ансамбль.

Непонятно, как снабжались водой ванны и котел в тепидарии и кальдарии. Их большая емкость не допускает ручного заполнения, а поблизости бани нет других источников воды, кроме указанного колодца. Поэтому И. А. Антонова высказала предположение, что воду из него подавали по трубам, проложенным в толще западной стены тепидария (кальдария). В этой связи интересно отметить находку здесь не только фрагментов керамических труб, но и обломков свинцовых открытых желобов и железной круглой трубы. Колодец не был забыт и после прекращения существования терм: его шахта и горловина неоднократно наращивалась узкими плитами обкладки, дойдя до уровня слоев XII–XIII вв. [14, л. 26]. Видимо, он служил уже обитателям соседних жилых усадеб.

Пол фригидария лежал на слое желтой глины и каменной насыпи. Он был аккуратно вымощен плотно подогнанными одна к другой размерными мраморными плитами и кое-где положенными между ними керамидами. Вдоль восточной стены помещения была сделана специальная площадка из крупных мраморных плит, придвинутых к стене, что подняло здесь уровень пола на 0,12 м. Тут же находилось сливное устройство для воды в виде узкого, вырубленного в скале желоба (0,20 м) с постепенно понижающимся дном, через 2,0 м достигавшим глубины 0,50 м. Позже в фригидарии был установлен пифос, для чего мастерам-херсонитам пришлось удалить часть плит, покрывавших пол. Среди оставшихся оказались вторичного использования, с текстами римского декрета 173 г. и строительной надписью о сооружении схолы принципалов в 250 г. Это позволяет предполагать, что прежде на месте бани или рядом с ней находилось служебное здание римской принципии [см.: 29, S. 137–140; 30, с. 68–70].

Позже других был сооружен аподитерий с северной стороны бани. Его пол производил впечатление выровненного разложившегося раствора, в нем попадались куски как белого, так и розового цвета, зола, уголь, отходы от ремонта. Таким образом, полом этого помещения был известковый верхний слой, основанием которому, возможно, служили выбросы из гипокауста, сделанные ранее при его чистках и ремонтах. Восточная утолщенная стена вообще покоится на таких выбросах и уже поэтому датируется не ранее VI в. С той же восточной стороны помещения тепидария (кальдария) имело позже устроенный префурний или, скорее, дымоход, учитывая крохотные размеры пристройки.

Привлекает внимание экономичная организация аподитерия путем перекрытия соседней продольной улицы, организация помещения прихожей между стенами, которые шли вдоль улицы, и укладка пола непосредственно на поверхность улицы с использованием для отвода воды водосточных каналов, существовавших вдоль нее [14, л. 42].

К северо-западу от аподитерия располагалось еще одно помещение, которое можно интерпретировать как часть фригидария или самостоятельную купальню — лутру (для тепидария оно не подходило по причине значительной удаленности от префурнии и отсутствия гипокауста). В нем наибольший интерес представляла покрытая ровным слоем розоватой цемянки небольшая ванна полукруглой формы с длиной поперечной стены в 1,0 м. Она сохранилась в высоту лишь на 0,15 м и, вероятно, не была глубокой. Вода из ванны удалялась через керамическую трубу со сливом диаметром 5 см, подобную трубе стока ванны рядом с колодцем. В западной части помещения, с выходом на «дом командира», находилась дверь с широким порогом из плит, а пол имел уклон к северу и востоку, что направляло разлитую воду в сточный канал.

Наличие двух нижних полов в бане (второй лежал на 0,20 м выше первого) указывает на большой капитальный ремонт, пережитый в свое время тепидарием, который

стал служить кальдарием. К тому же столбики топливного канала, установленные на верхнем полу, имели под собой слой золы и развал черепиц и извести. Тогда же были поставлены новые столбики, которые нарушили первоначальный ритм рядов. Основание топочного канала также сохранило следы ремонта и тоже было поднято крупными кусками черепицы на 0,20–0,25 м. Следы ремонта и переклада заметны и на северной стене тепидария. Здесь по высоте дверного порога входа в помещение кладка стены переложена на ином растворе — красно-кирпичном от примеси мелко тертой керамики, в отличие от белого известкового на других участках. На таком же цемянковом растворе уложены и фиксирующие порог плинфы (28,5×28,5×4 см), по диагонали пересеченные полосами, сделанными по сырой глине тремя пальцами, а сам порог оказался расширен приложенными к нему тремя блоками. Такие плинфы обычны для VI в. и встречаются в кладке *opus mixtum* херсонесских построек близкого времени (табл. 1)⁵.

Таблица 1

Сооружения с кладкой *opus mixtum* в раннесредневековом Херсоне и его округе

Объект	Размеры плинфы (в см)	Толщина прослоек раствора (в см)	Количество рядов	Время сооружения
1	2	3	4	5
13 куртина	28–29×28–29×4–4,5	4	4	V–VI вв.?
Общественное здание («термы» или ятрина) около <i>castellum aquae</i> и 13 куртины	28–29×28–29×3,5–4,5–5	4–5	4–6	V–VI вв.?
Здание государственной «апофики» в портовом квартале 2	27–28×27–28×3–4	5	5	нач. VII в.
Постройка невыясненного значения (птохион св. Фоки?) возле небольшого храма (раскопана в 1902–1904 гг. «между складом древностей и откосом, занятым казематом крепостной артиллерии»)	?	?	?	IV–VI вв.?
«Здание Г» («дворец») около пересечения главных продольной и поперечной улиц	?	?	?	IV–VI вв.?
Базилика № 28 на агоре	25×25×4,5	5	4–6	вторая пол. VI–нач. VII вв.

⁵ Аналогичные случаи см.: 31, с. 84, 155–156, 163, 168, 172, 186, 208; 32, с. 158; 19, с. 559–560, 588–593, 670–675. Всего мне известно 17 случаев использования кладки *opus mixtum* в Таврике, из них лишь один сравнительно далеко от Херсонеса. За исключением сомнительных свидетельств относительно Восточной базилики и базилики 1932 г., остается еще 14 сооружений в городе и совсем рядом с ним. Если учесть некоторое число точно датированных памятников — реперов с такой системой кладки, можно сделать вывод, что наиболее интенсивно этот строительный прием, известный с первых веков н. э. и особенно широко распространенный в IV–V вв., в Херсоне использовали во второй половине–конце VI в. вплоть до начала–второй четверти VII в. В пользу этого вывода говорит также число рядов кирпича (4–6), типичное для ранневизантийского времени, и, самое главное, толщина слоя раствора между рядами кладки. В V в. и в доюстиниановское время этот слой примерно равен толщине кирпича, в эпоху Юстиниана I и в постюстиниановское время, он, как правило, в полтора–два раза превышает по толщине плинфу [ср.: 33, с. 153–202; 34, с. 115; 5, с. 108–109, 127–129, 253]. О самой плинфе, используемой в строительстве, можно сказать лишь, что она приближалась к византийским стандартам (32–36×3,5–5 см), хотя не совпадала с ними, и оставалась достаточно стабильной по размерам, которые колебались с отклонениями до 5–10 % в пределах византийского фута [ср.: 35, р. 128–129].

1	2	3	4	5
Крестовый храм № 27 на агоре	?	?	не менее 3	VII в.?
Восточная базилика (№ 36)	?	?	?	конец VI-нач. VII вв.
Баптистерий около Уваровской базилики	28-29×28-29×3	6-7	4-5	конец VI-нач. VII вв.
Южная «галерея» Уваровской базилики	24×17×3	7	4	конец VI-нач. VII вв.
Северная базилика (№ 22)	30×30×3	7	4	конец VI-первая треть VII вв.
Базилика 1932 г.	?	?	?	около середины VII в.
Западная базилика (№ 13)	?	?	?	конец VI-нач. VII вв.
Тетраконхиальный купольный мартирий (№ 47)	26×13×3; 30×18×3	?	?	третья четверть VI в.
Ограда Южного загородного храма Богородицы Девы Марии Влахернской	40×23×3,5; 35×23×4	5,5	уцелело 3	вторая половина VI-начало VII вв.
Многокамерная постройка в раннесредневековом поселении «Приморское» в Ласпинской котловине	?	?	?	VII-VIII вв.?

Обращает внимание различие столбиков гипocausta под обеими помещениями кальдария, преобразованного из тепидария. В южном они были гораздо крупнее по величине и были вытесаны в виде прямоугольных столбов 0,60×0,50 м, которые были поставлены в четыре ряда (по пять в ряду). Под ванной-бассейном их должно было быть еще не менее трех-четырёх рядов. Ширина каналов тоже превосходила параметры первого помещения и достигала византийского фута (0,30–0,40 м). Очевидно, это было связано с переносом префурния. Поначалу он находился на юго-восточном конце бани, с внешней стороны восточной стены, а дымоходная труба — на северном, что создавало хорошую тягу. Однако достройка на северном конце здания помещения аподитерия заставило перенести дымоход на северный конец восточной стены. Тяга, видимо, ухудшилась, что вызвало необходимость устройства префурния на противоположном конце бани, там, где прежде находился дымоход. Поэтому для того, чтобы нагревать дальше помещение тепловым потоком, который уже утратил часть температуры, ряд столбиков гипocausta был поставлен с большим интервалом, с разворотом и без обычной равномерности в размещении. Вообще, многие детали устройства гипocausta свидетельствуют о достаточно хорошем знании строителями — икодомами основ теплотехники и вентиляции [14, л. 17].

Основной период функционирования бани пришелся на конец VI–первую половину IX вв. Именно в эти хронологические рамки укладываются немногочисленные фрагменты керамической посуды, обнаруженной при раскопках тепидария (кальдария). Обломков посуды позднеримского времени было очень мало, и ее присутствие инородно для слоя. Среди обломков амфор встречались те, которые бытовали до середины–второй половины VI в. (с перехватом корпуса, с рифлением типа набегающей волны), и особенно многочисленными были амфоры типа «Газы». У подавляющей части керамид (60 %) отсутствовал коленчатый уступ на нижнем конце для соединения с другой керамидой

и не было водосливных валиков, что характерно для черепицы, использовавшейся в постройках VII–VIII вв. [13, л. 31; *ср.*: 36, с. 121, рис. 40, 3–4]. До 15–18 % составляли херсонесские керамиды IX–X вв. с аккуратным прямоугольным бортиком и сопутствующие им калиптеры с шейкой длиной до 6 см, отделенной от поля калиптера невысоким уступом [13, л. 31–32; *ср.*: 37, с. 23–24, рис. 11, 13–15].

При раскопках западной разрушенной стены помещения кальдария (прежнего тепидария) в перекрывававшем ее слое оказалось несколько тысяч обломков керамики преимущественно от плоскодонных кувшинов с плоскими ручками [14, л. 17]. Скорее всего, засыпь бани, переставшей функционировать во второй половине–последней трети IX в., была произведена, когда появились такие кувшины, ставшие массовым материалом в слоях X в. [*ср.*: 38, с. 135–136, 138]. На это же указывает то обстоятельство, что фрагменты широко распространенных в Крыму амфор причерноморского типа с зональным рифлением, датируемые второй половиной IX–началом X вв, встречались почти во всех помещениях бани, но в небольшом количестве. Важно, что слои, подстилающие полы фригидария, также содержали материал VI в., а поверхность хорошо зафиксированного слоя конца VI в., вскрытого раскопками 1986 г. поблизости от бани, у 19 куртины, лежала на 0,20 м ниже уровня пола во фригидарии [14, л. 37–38]. Засыпь фригидария, наряду с керамикой VIII–IX вв., содержала монеты Анастасия I (491–518), византийские V–VI вв., Михаила III (842–867), Василия I (867–886). Под плитами мраморного пола здесь была обнаружена монета Юстиниана I (527–565), а на полу, рядом с сидячей ванной лежала монета Василия I. В помещении к северу, на уровне нижних плит оказалась монета Аркадия (395–408), а в малой ванне — Льва V (813–820). В аподитерии на уровне нижнего слоя, который предшествовал постройке этого помещения, находились монеты Льва I (457–474), Анастасия (491–518) и другие монеты V–VI вв. Наконец, в самом гипокаусте, внизу под большой ванной-бассейном, у подпорных столбиков были обнаружены монеты Юстиниана I, Льва V Армянина, Василия I [14, л. 40]. При этом бросается в глаза полное отсутствие фрагментов поливной посуды.

Таким образом, корреляция находок показывает, что баня в перестроенном виде стала работать не ранее времени второй половины правления Юстиниана I, а достраивалась и ремонтировалась еще позже. Она существовала до второй половины–конца IX в. и была разрушена, очевидно, в связи с расчисткой обширных площадей вокруг начавшего возводиться по соседству монументального комплекса помещений фемного претория и базилики с баптистерием. Показательно, что водосточный канал «Т», выходявший из терм, оказался под стенами новой постройки конца IX в., порог которой превысил на 0,6 м здание разрушенной бани [14, л. 38, 41].

В византийской бане в «цитадели» не прослеживается порядок соединения рядов помещений, свойственный классическим провинциальным термам римского времени, которые сооружались с учетом принципа понижения температуры от «горячих» помещений к «холодным» [*ср.*: 39, с. 23]. Для нее характерно отсутствие симметрии, одноэтажность и разные объемы помещений. Здесь соединение кальдария (тепидария) с фригидарием осуществлялось переходом через аподитерий, то есть помещения холодной, теплой и горячей бани не соединялись последовательно по прямой, анфиладно, как в большинстве других бань средневекового Херсона. Размеры открытого сооружения показывают, что и после перестройки в VI–VII вв. его банными услугами могло пользоваться одновременно не более 10–15 человек. Были ли это воины здешнего гарнизона — «арифма» или периодически наведывавшиеся сюда горожане, сказать трудно. Пока также неясно, куда была перемещена баня после устройства в «цитадели» фемного претория и резиденции стратига.

В приморском квартале IX, к югу от Северной базилики в 1861 г. было обнаружено здание еще одной, четко спланированной, достаточно обширной бани (16,0×6,75 м), раскопанной К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1893 г. и исследованной С. Г. Рыжовым в 1982 г. (рис. 2) [40, с. 54; 41, с. 27–29; 42, л. 1–5, 14–15; 43, с. 230]. Стратиграфия памятника и сопутствующие ему археологические и нумизматические материалы

(особенно 192 бронзовые монеты с монограммой «ро», обнаруженные лежащими кучей на полу во втором с запада помещении) позволяют думать, что баня, как и соседний с ней крупный кафоликон (базилика № 22), просуществовала с VII в., по крайней мере, до середины–конца XI в. [36, с. 135–136]. Помещать ее постройку «в позднеимперский период» нет оснований [*ср.*: 44, с. 82].

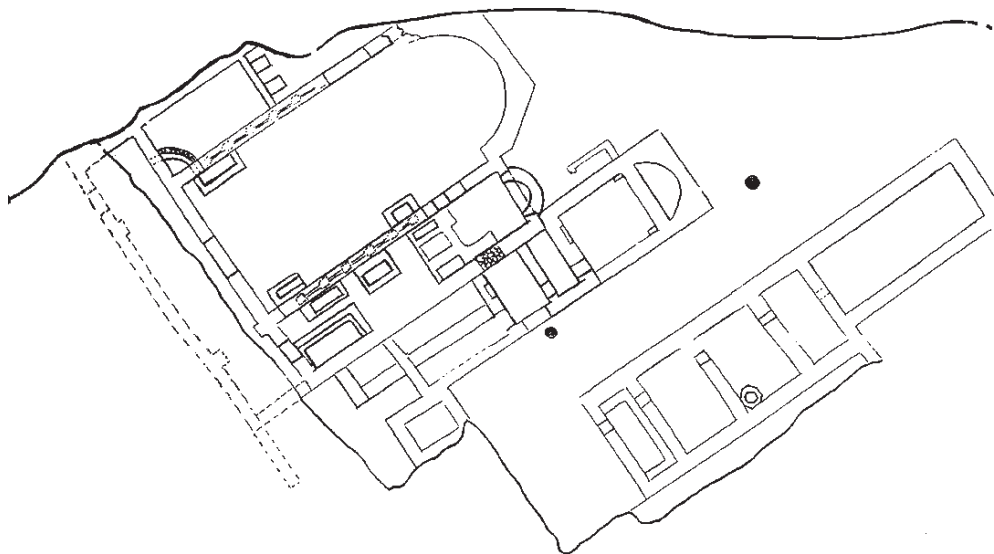

Рис. 2. План бани в IX квартале рядом с Северной базиликой после раскопок 1893 г.

Раннесредневековая купальня около Северной базилики была примерно в два раза меньше, чем ранние римские термы второй половины II–III вв., располагавшиеся на территории «цитадели» в углу, образуемом 18 и 21 куртинами, но ненамного уступала описанной выше ранневизантийской бане, которая с перестройками, возможно, до третьей четверти IX в. существовала почти в самом центре «цитадели» Херсона. Северная баня имела толстые стены на известково-цемянковом растворе, очевидно, сводчатое («камарное») перекрытие и представляла собой анфиладу из четырех смежных помещений, вымощенных каменными плитами с уклоном в сторону входа, чем обеспечивался сток воды (рис. 3)⁵. К. К. Косцюшко-Валюжинич называл сооружение «большим зданием» и отмечал наличие у него «террасы со следами мраморной облицовки». В крайнем западном (торцовом) помещении был устроен префурний — кочегарка, где находилась круглая кирпичная печь, а с юга к остальным «залам»-купальням с внешней стороны примыкали четыре крохотные пристройки с прямоугольными, обмазанными крепким известково-цемянковым раствором ваннами, пол которых был выложен плинфой (30×30×3 см), такой же как и в стенах соседней базилики, что говорит об одновременности их постройки⁶. Вода из ванн отводилась через водосточные каналы, два из которых проложили под одной из них [46, с. 326]. Именно эти термы, находившиеся поблизости от главного епископального комплекса города, наиболее подходят в качестве ориентира рассказа Слова

⁵ Примечательно, что стены построек, располагавшихся к югу от бани, были сложены на земляном «растворе», что свидетельствует о более позднем их строительстве [45, л. 7].

⁶ Южная сторона одной из ванн была полукруглой, а внутри ванны было сделано сиденье-ступень шириной 0,35 м. Такое же сиденье имела еще одна ванна. Все ванны содержали засыпь, насыщенную фрагментами кувшинов с плоскими ручками, что, учитывая монетные находки, подтверждает разрушение бани, скорее всего, во второй половине XI в., а не в X в. [*ср.*: 45, л. 16–17, 22, 23, рис. 21].

на перенесение мощей преславного Климента, автор которого назвал их исходной точкой движения («от теплыхъ идоша») отправившихся разыскивать святые реликвии. В этом случае они были расположены близ базилики, которая могла быть названным в том же источнике храмом Св. Прокопия [8, с. 128, гл. 3].

Рис. 3. Строительные остатки раннесредневековой бани в IX квартале
На переднем плане — префурний, справа — ряды ванн и прямоугольное отверстие отстойника.
Вид с юго-запада. Раскопки С. Г. Рыжова в 1983 г.

Еще одна общественная баня была раскопана в 1910–1912 гг. Р. Х. Лепером почти по центру квартала III, на небольшой внутренней площади, рядом с главной продольной улицей и в 10 м к северо-западу от мартирия с криптой, в слое, содержавшем монеты Василия I Македонянина и раннюю поливную посуду (рис. 4)⁷. Однако не исключено,

⁷ Если не считать фотографической фиксации, отчетные материалы раскопок бани у Р. Х. Лепера отсутствуют. Первое внятное описание строительных остатков принадлежит К. Э. Гриневичу, который, по сути дела, привел результат визуальных наблюдений места раскопок Р. Х. Лепера спустя более 20 лет после их проведения. Последующие исследования, расчистка кладок и раскопки помещений, примыкавших к бане, были предприняты в 1978, 1982 и 1988 гг. М. И. Золотаревым. См.: 47, с. 77–108, рис. 21, 37–43; 48, с. 78–86, рис. 30–34; 49, л. 4–5; 50, с. 261; 51, л. 6–7, 13; 20, с. 103–104.

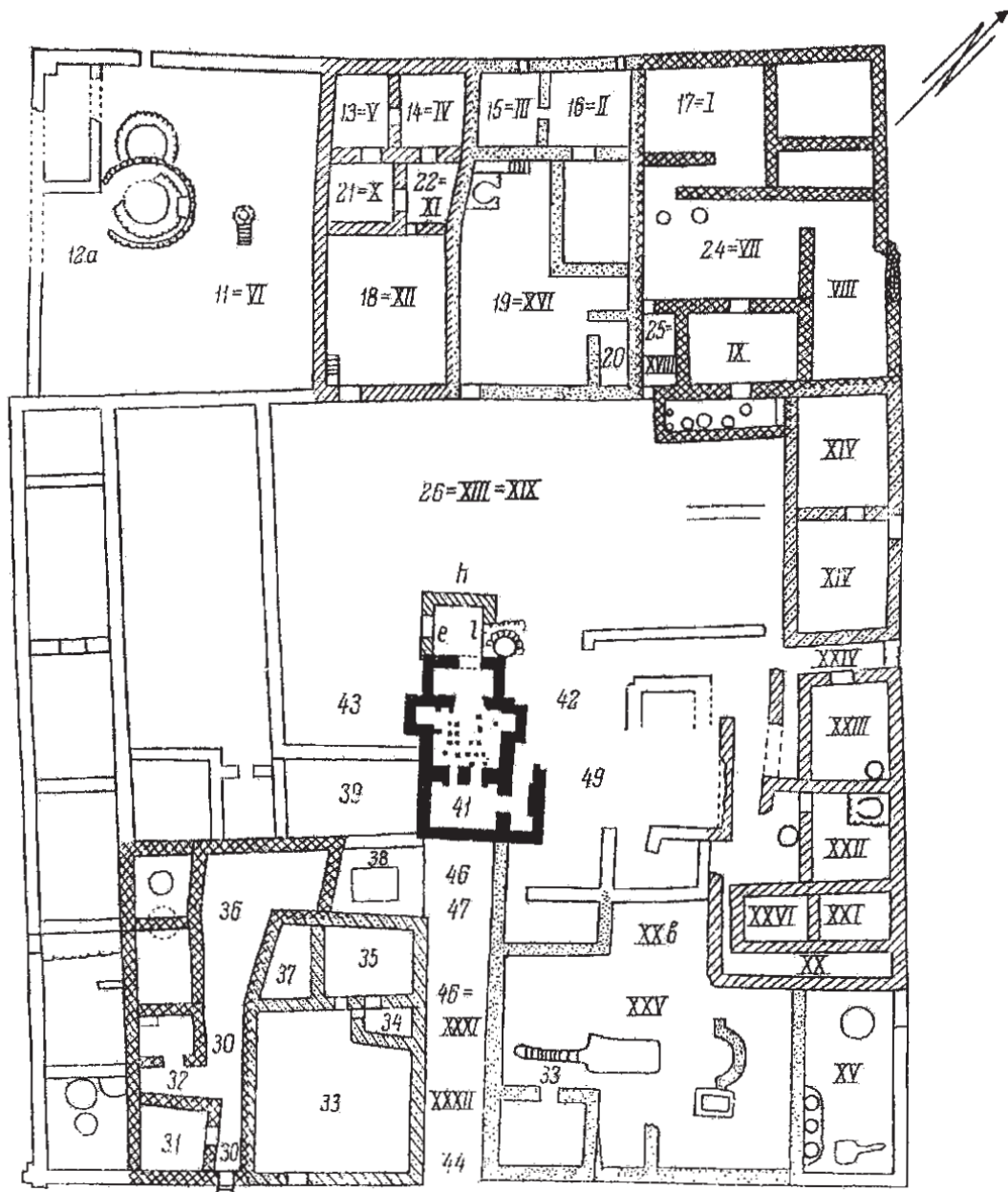

Рис. 4. План квартала III

В центре — здание общественной бани (по А. Л. Якобсону)

что здание было возведено раньше и уже функционировало к VIII–IX в. На это указывает не характерный для построек более позднего времени монументальный характер орфостатной кладки, сложенной из больших камней правильными рядами, причем не на глине, а на известковом растворе с морским песком и добавлением мелко толченой керамики [48, с. 79, 86]⁸. Подобная кладка характерна для некоторых херсонесских базилик, возведенных не позже середины VII в. Заметивший это К. Э. Гриневич без колебаний констатировал: «Характер монументальных кладок позволяет датировать термы ранневизантийским периодом» [47, с. 77]. А. Л. Якобсон более осторожно предположил, что постройка не могла быть сооружена «позже IX–X вв.» [52, с. 261–278; 48, с. 86]⁹. Планировка и принципы устройства бани не противоречат ни тому, ни другому заключению. Однако надо обратить внимание, что при раскопках переулка, который вел с главной улицы к бане, в слое оказались раннесредневековые материалы V–IX вв. и более раннего времени [51, л. 8–9, рис. 25–26]. Значит, переулком пользовались для связи с баней не только в позднее время [ср.: 48, с. 75].

Раскопки помещений около здания купальни позволили выяснить, что вокруг него существовала своеобразная площадь (внутриквартальный двор) и лишь позднее на этом незастроенном участке возвели постройки, примыкающие к бане. В одном из этих помещений (№ 48) оказалась глубокая, доходящая до скального основания яма, заполненная обломками амфор, столовой, кухонной посуды, которая датируется в пределах до VIII в. [53, л. 5–6]. Это еще раз подтверждает то, что лутра уже существовала около этого времени.

Из мощеной известняковыми и мраморными плитами коридорообразной передней для раздевания (аподитерия) дверь вела в горячее от-

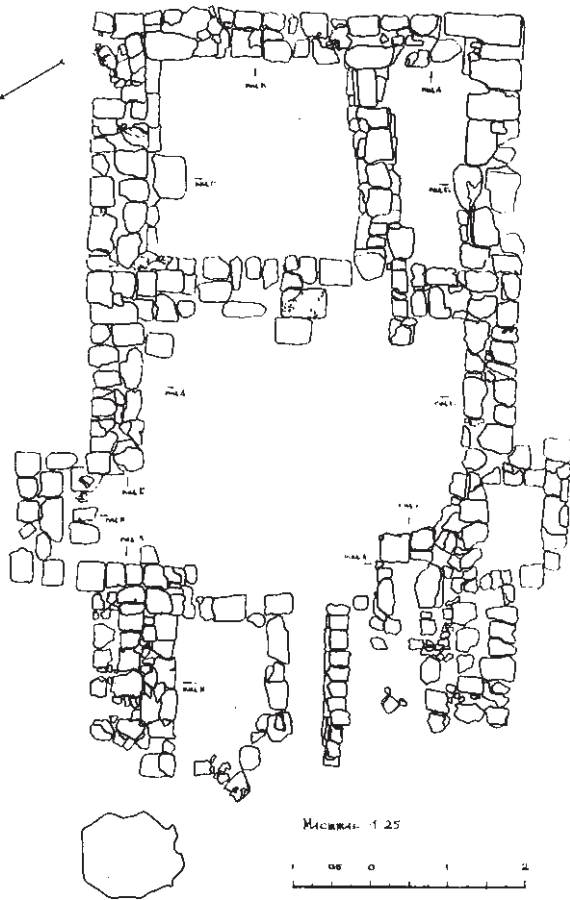

Рис. 5. План средневековой бани в квартале III
Раскопки М. И. Золотарева в 1982 г.

⁸ При расчистке сохранившихся кладок бани в 1982 г. М. И. Золотареву сначала показалось, что здание было построено из отдельных тесаных блоков и полуобработанного бута на совершенно разложившемся грязевом растворе. Но исследование 1988 г. показало, что лучше всего сохранились кладки до 5–6 нижних рядов хорошо обработанного камня, причем они сложены не просто с соблюдением порядовки, но на известково-цемянковом растворе, тогда как стены остальных соседних средневековых помещений — из разномерного бута на грязевом растворе [49, л. 5; 51, л. 6–7, рис. 10, 11].

⁹ Видимо, авторитет этого исследователя повлиял на компромиссное и поэтому расплывчатое, несмелое заключение М. И. Золотарева относительно сооружения бани к X в., что намекало на возможность сдвига даты в более раннее время [51, л. 15].

деление для мытья (6,8×4,0 м), тоже выложенное тонкими плитами, под которыми был устроен гипокауст для обогрева пола (рис. 5). С боков кальдарий был снабжен двумя выступавшими наружу, хорошо оштукатуренными цемянкой прямоугольными нишами (ширина 1,13 и 1,09 м, глубина около 1,0 м), вероятно, для ванн. Оштукатуренными были и все внутренние стены бани с мощными, прочными стенами, что позволяет предполагать характерное для таких построек сводчатое, камарное перекрытие. С торца здания к купальне примыкало еще два небольших помещения, одно из которых (3,0×1,6 м) служило топочной камерой и имело печь с удлиненным, крытым плитами устьем для обогрева кальдария, а другое, следующее за топкой, вероятно, предназначалось для хранения топлива и банного инвентаря: его пол был на уровне устья печи. Весьма вероятно, в термах имелись для подогрева воды специальные чаны, которые могли размещаться над топкой, либо для этих целей служил резервуар, покрытый водонепроницаемым известковым раствором в несколько слоев. Воду, нагретую в чанах или резервуаре, черпали через специальные отверстия — окошки в стене, отделявшей

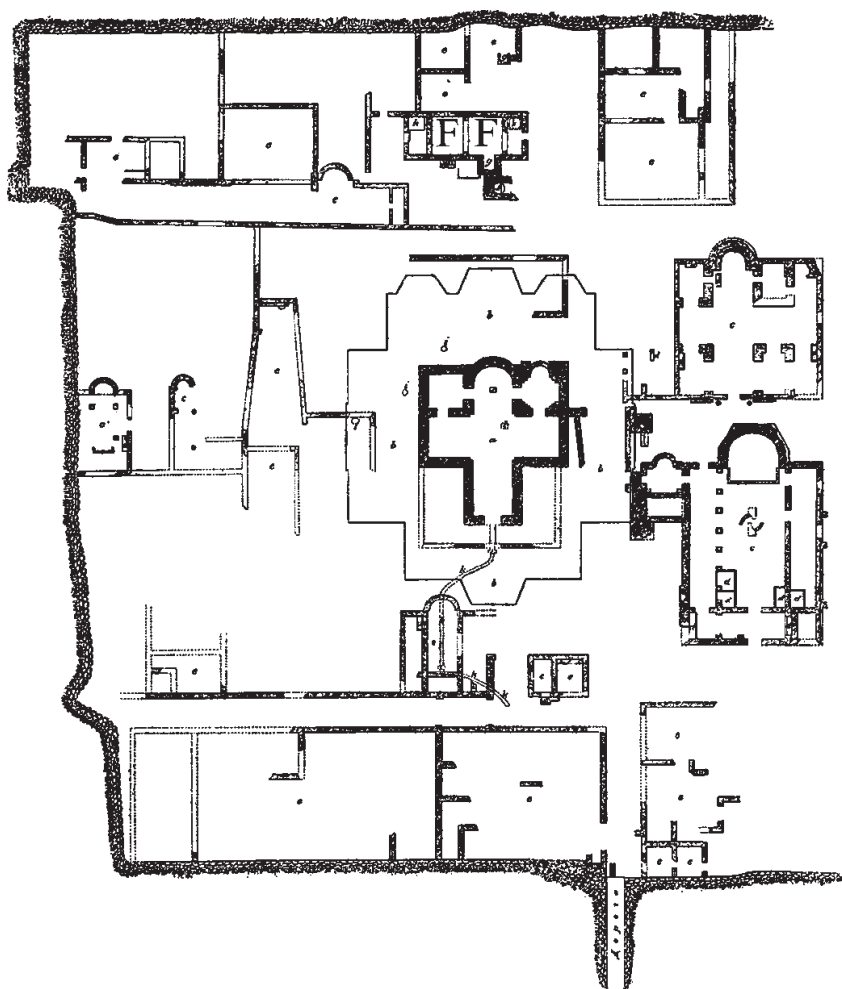

Рис. 6. План строений, открытых на большой агоре и рядом с ней к 1861 г. и дополненных данными раскопок 1890–1891 гг.

Чертеж городского архитектора Севастополя, поручика К. Вяткина

помещение с водой от кальдария. Впрочем, не исключено, что вместо этого простого способа пользовались гончарным водопроводом [48, с. 81]. Примечательно исчезновение в этой валании особых помещений для тепидария и фригидария, какие, вероятно, были в термах «цитадели». Нет уверенности, что они были выделены и в купальне около Северной базилики. Очевидно, в их отсутствии проявлялись новые черты, свойственные средневековью, когда бани приобретали более утилитарное назначение и забывались как своеобразные общественные клубы, где не только мылись, но и получали удовольствие, развлечения.

Банная постройка в квартале III просуществовала никак не меньше пяти столетий вплоть до поздневизантийского периода, и, значит, херсониты постоянно заботились о здании, поддерживали его в рабочем состоянии. Так, вымостка двора бани из крупных известняковых плит, сохранила следы трех ремонтов, сопровождавшихся заменой износившихся плит причем наиболее поздним материалом под плитами были фрагменты высокогорлых кувшинов с плоскими ручками [51, л. 13–14]. Такой же материал, обломки черепиц XI–XIII вв. оказались в нетронутом раскопками Р. Х. Лопера небольшом участке в юго-восточной части купальни, что указывает *terminus ante quem* не ее долгого существования [51, л. 4]. Привычка к постоянству — характерная ментальная черта средневекового сознания — обнаруживается, таким образом, и в этой бытовой сфере.

Наличие раннесредневековых бань, в том числе «анфиладного» типа, можно предполагать в составе епископального комплекса на северо-восточном берегу, рядом с экзонартексом Уваровской базилики и недалеко от баптистерия № 24, а также в квартале VII, поблизости от крестовидного храма № 27, подземной водосборной цистерны с колоннами — подпорами свода и других потестарных построек на восточной стороне большой агоры (рис. 6) [см.: 54, л. 21; 55, л. 20–21; 41, рис. 42 (на плане поручика Вяткина баня рядом с агорой обозначена литерой f и разделена на несколько помещений)]. В таком случае их суммарное количество достигало пяти, и, хотя не все они действовали одновременно, это немало для ромейского города подобного уровня и масштаба.

В целом, планировочное решение местных общественных бань, действовавших в раннее средневековье, достаточно однотипно и находит параллели с более поздними аналогичными сооружениями в Малой Азии, Греции и Закавказье, что свидетельствует о сохранении исконных традиций и континуитета в их строительстве. Между тем наличие хотя бы одной такой постройки для периода «темных веков» позволяет предполагать сохранение преемственности и в этой немаловажной сфере строительства и услуг [см.: 56, с. 56–57]. Контроль над нею со стороны церкви, монастырей, не основание для того, чтобы говорить о ее свертывании в средневизантийский период [ср.: 57, р. 197].

ЛИТЕРАТУРА

1. Kazdan A., Karpozilos Ap. Johnson M., Browning R. Baths//The Oxford Dictionary of Byzantium. — New York; Oxford, 1991. — Vol. 1.
2. Foss C. Life in City and Country//The Oxford History of Byzantium/Ed. by C. Mango. — Oxford, 2002.
3. Софрат Схоластик. Церковная история: Статья и коммент. И. В. Кривушина. — М., 1996.
4. Vie de Theodore de Sykeon/Etabli par A.-J. Festugiere. — Bruxelles, 1970. — Vol. 1–2.
5. Хрушкова А. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). — М., 2002.
6. Бородин О. Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. — СПб., 2001.
7. Каждан А. П. Два дня из жизни Константинополя. — СПб., 2002.
8. Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности//Памятники христианского Херсонеса. — М., 1911. — Вып. 2
9. *Responsa Nicolai ad consulta Bulgarorum*//PL. — 1880. — Т. 119.
10. Berger A. Das Bad in der byzantinischen Zeit. — München, 1982.

11. *Magdalino P.* [Comptes-rendus]//BS. — 1985. — An. 46. — Fasc. 1. — P. 196–199 (Berger A. Das Bad in der byzantinischen Zeit. — München, 1982)
12. *Курбатов Г. Л.* Ранневизантийские портреты. — Л., 1991.
13. *Антонова И. А.* Отчет о раскопках в «цитадели», юго-восточный район Херсонеса, 1989 г.//Архив НЗХТ. — Д. № 2978.
14. *Антонова И. А.* Отчет о раскопках в «цитадели», юго-восточный район Херсонеса в 1990 г.//Архив НЗХТ. — Д. № 2981.
15. *Антонова И. А.* Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1991 г.//Архив Института археологии НАНУ. — 1991. — Д. № 1991/95.
16. *Антонова И. А.* Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1992 г.//Архив Института археологии НАНУ. — 1992. — Д. № 1992/117.
17. *Антонова И. А.* Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1993 г.//Архив НЗХТ. — Д. № 3184.
18. *Антонова И. А.* Отчет о раскопках в цитадели в 1996 г.//Архив НЗХТ. — Д. № 3359/1–2.
19. *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Жизнь и гибель Херсонеса. — Х., 2000.
20. *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Херсонес–Херсон–Корсунь. — К., 2003.
21. *Антонова И. А.* Отчет о раскопках в цитадели за 1995 год//Архив НЗХТ. — Д. № 3453.
22. *Антонова И. А., Сорочан С. Б.* Отчет о раскопках в юго-восточном районе Херсонеса на участке «цитадели». 1997 г.//Архив НЗХТ. — Д. № 3351/І–ІІ.
23. *Зубарь В. М., Антонова И. А.* Римські терми на території цитаделі Херсонеса Таврійського//Магістеріум. — Вип. 6: Археологічні студії. — К., 2001. — С. 84–85.
24. *Антонова И. А., Зубарь В. М.* Некоторые итоги археологических исследований римской цитадели Херсонеса//Х. сб. — 2003. — Вып. 12.
25. *Karasiewicz-Szczypiorski R.* Cytadela Chersonesu Taurydzkiego w okresie rzymskim. Proba rozwarstwienia chronologicznego i rekonstrukcji planu zabudowy wewnętrznej//Swiatowit. Rocznik Instytutu Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. — N. S. — T. 3 (44). — Fasc.A: Archeologia Sroziemnomorska i pozaeuropejska. — Warszawa, 2001.
26. *Сорочан С. Б., Крупа Т. Н., Зубарь В. М., Сазанов А. В., Иванов А. В.* Работа объединенной археологической экспедиции «Цитадель» в Херсонесе Таврическом в 2003 г.//Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. — К., 2004.
27. *Сорочан С. Б., Крупа Т. Н., Зубарь В. М., Сазанов А. В., Иванов А. В., Сухинина С. Н.* Отчет о консервационно-археологических работах на территории «цитадели» Херсонеса в 2002 г.//Архив НЗХТ. — Д. № 3587.
28. *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Сазанов А. В., Крупа Т. Н.* О работах в цитадели Херсонеса Таврического в 2002 г.//Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. — К., 2003.
29. *Vinogradov Ju. G., Zubar V. M.* Die Schola Principalium in Chersonesos//Il Mar Nero. — 1995/1996. — II.
30. *Зубарь В. М., Антонова И. А.* Новые данные о римском гарнизоне Херсонеса в первой половине III в.//ВДИ. — 2000. — № 1.
31. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес//МИА. — 1959. — № 63.
32. *Кутайсов В. А.* Четырехапсидный храм Херсонеса//СА. — 1982. — № 1.
33. *Бобчев С.* Смесената зидария в римските и ранневизантийските строежи//Известия на Археологическия институт. — София, 1961. — Т. 24.
34. *Чанева-Дечевска Н.* Ранно-християнската архитектура в България IV–VI вв. — София, 1999.
35. *Ousterhout R.* Master Builders of Byzantium. — Princeton; N. J., 1999.
36. *Романчук А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. — Екатеринбург, 2000.
37. *Романчук А. И.* Строительные материалы византийского Херсона. — Екатеринбург, 2004.
38. *Герцен А. Г., Науменко В. Е.* Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун//АДСВ. — 2001. — Вып. 32.
39. *Иванов Т.* Проучвания върху хипокауста от римската и ранновизантийската епоха в България//Археология. — 1971. — Кн. 1.
40. *Отчет* Заведующего раскопками в Херсонесе за 1893 год//ОАК за 1893 г. — СПб., 1895.

41. *Айналов Д. В.* Развалины храмов//Памятники христианского Херсонеса. — М., 1905. — Вып. 1.
42. *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 1982 году //Архив НЗХТ. — Д. № 2346.
43. *Рыжов С. Г.* Исследование жилых усадеб в Северном районе Херсонеса//Археологические исследования в Крыму. 1993 год. — Симферополь, 1994.
44. *Крым в X-первой половине XIII века//Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века/Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. — М., 2003.*
45. *Рыжов С. Г.* Дневник раскопок бани IX–X вв. к югу от Северной базилики. Май 1982–август 1983 г./Архив НЗХТ. — Д. № 2611.
46. *Рыжов С. Г.* Исследование IX квартала в северном районе Херсонеса//АО 1982 г. — М., 1984.
47. *Гриневиц К. Э.* Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р. Х. Лепера//Х. Сб. — 1930. — Вып. 3.
48. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес. XII–XIV вв./МИА. — 1950. — № 17.
49. *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточной части Херсонеса в III квартале за 1982 год//Архив НЗХТ. — Д. № 2290.
50. *Золотарев М. И.* Раскопки в Северо-Восточном районе Херсонеса//АО 1982 года. — М., 1984.
51. *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1988 г. //Архив НЗХТ. — Д. № 2845.
52. *Якобсон А. Л.* Из истории средневековой архитектуры в Крыму. III. Средневековые бани Херсонеса//СА. — 1946. — Т. 8.
53. *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1978 г. //Архив НЗХТ. — Д. № 2051.
54. *Отчет за 1901 год//Архив НЗХТ. — Д. № 10.*
55. *Отчет за 1904 год//Архив НЗХТ. — Д. № 13.*
56. *Сорочан С. Б.* Общественные византийские бани VII–IX вв.: «феномен наличия» //Византия: Кумуляция и трансляция культур. Тезисы докл. IX науч. Сюзюмовских чтений 24–27 августа 1997 г. — Екатеринбург, 1997.
57. *Ousterhout R. G.* Secular Architecture//The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843–1261. — New York, 1997.

Summary

S. Sorochan. The Baths of the Byzantine Cherson (VI–X Centuries)

The research written and especially archeological sources of a history Cherson during an early middle ages gives a conclusion about existence in city several baths. One bath-house was at centre of «citadel». It had gone through two large repairs and acted at second half VI–middle IX centuries. Other bath existed in VII–X centuries on northern coast near the large bazylik № 22. Third bath was at centre housing estates III, in east part of city. It was constructed in VI–VII centuries and with alterations, repairs acted to XI–XII centuries. Probably, one bath-house entered into a complex of bazylik № 23. The bath in block VII is known only under the drawings executed before construction of cathedral S. Vladimir on a place large agora. All of them had some rooms and gypokaust system, that specifies on continuity with graeco-roman construction. The affinity to temples allows notice the control for baths on the part of church authorities, but it not the basis for the conclusions about decline and disappearance the baths in «dark ages».

